

ГЛАВА 1

Удачная встреча

Киево-Черниговский тракт

Ехали не спеша. До Морова оставалось всего ничего, до темноты точно успеют.

Впереди Илья с Малигой. На Илье — новая, третья уже золотая гривна. Первая — его собственная, вернее, подаренная батеи, когда Илье гриднем стал. Самая тонкая. Эта хоть и называлась гривной¹, но по весу хорошо если на четверть тянула. Вторая, трофейная, потяжелее, искусно витая, с трехголовым псом. Её Илья добыл ещё во времена, когда был калекой. Снял с шеи убитого им Свардига, бывшего княжьего сотника, а потом разбойника и татя. Нелегко это было: калеке убить варяга и княжьего сотника, но Бог пособил: избавил и от лютой участи, и от злого ворага. Хорошая гривна, тяжёленькая. Свардиг её когда-то с шеи свейского ярла снял, а уж тот с чьей — неведомо. Великокняжья гривна — третья. Илье её князь Владимир вчера вручил. Знак это: Илья теперь — старший

¹ Гривна в Киевской Руси не только шейное украшение, но и единица веса. Порядка 400 граммов в описываемое время.

гридень киевской дружины. При том, что Владимиру он на верность не присягал. Но и без того понятно: надо — послужит, однако подарок изрядный. Такой впору за отменное геройство в битве давать, а не за какого-то разбойника. Но Соловей этот — разбойник особенный. И не потому что именно он когда-то Илью искалечил, а потому что, как сказал по-ромейски батя: дело это политическое. За великим князем — Христос, за Соловьём — старые боги. Если не может никто из людей князя Соловья укротить, то получается, старые боги сильнее Христа. Потому и награда Илье щедрая. И разбойника Соловья не казнили попросту как татя, а в темницу великокняжью прибрали. Хотя, думалось Илье, спрашивать его там будут не о богах, а о схоронках с добычей. Ну да это уже Ильи не касается. Он своё получил.

Малига, десятник, с которым Соловья взяли и который сейчас обочь Ильи едет, тоже без наград не остался. Его уже сам Илья одарил. Так батя велел. Сказал: «Малига — твой человек, сам и поощри». Новая кольчуга на Малиге, шлем новый, браслеты серебряные увесистые на руках. Доволен Малига. Да и кошель у него потяжелел изрядно.

И у тех дружинников, которые ехали сейчас позади княжича, тоже добра изрядно прибавилось у этих шестерых и у тех, кто ранен. Трое тяжёлых сейчас в Морове отлёживаются, трое полегче — в Киеве остались. Илья их с собой не взял. В Морове лекарь хороший, но в Киеве лучше.

Хорошо на дороге. Тишина. Лес осенний золотом горит в лучах вечернего солнца...

— Караван недавно прошёл, — произнёс Малига, глядя на землю впереди.

— Караван! — Илья фыркнул. — Тоже скажешь! Три воза и пещев шестеро.

— Возы, однако, тяжёленькие, — заметил Малига. — У одного колесо вихляет. Может, поломалось, а может, чека выпала...

Илья взгляделся.

— Поломалось, — решил он. — Если бы чека, они б уже поправили, а раз едут, значит, запасного нет. Надеются на этом до Морова дотянуть.

— Ого! — вдруг воскликнул Илья. — С чего это они помчались?

Сразу понял, с чего.

Кровь на земле. Припорошенная пылью, но всё равно заметная.

— Малига, глянь! — велел Илья, вынимая изготовленный к бою лук. В дороге Илья тетиву с рогов не сбрасывал.

Десятник спешился, поковырял пальцем:

— Свежая! И тело вон в кусты уволокли! Миловид, глянь...

— Не надо! — остановил отрока Илья. — После!

И послал Голубя в галоп, выдёргивая из тула стрелы.

Скачка продолжалась недолго.

Обоз остановили. На дороге можно было легко разглядеть и кровь, и другие заметённые следы. И обломки колеса, которые побросали на обочину, и глубокий след колёс, уводящий в лес.

Малига вновь спешился. Понюхал обломанную и кое-как прилаженную на место ветку.

— А ведь совсем недавно прошли! — обрадованно проговорил он.

Илья улыбнулся радостно.

— Это мы удачно проехали! — заявил он. — Бог нас любит!

Дружинники весело загомонили.

— Тихо! — рыкнул Малига. — Они могут быть близко. Вперёд!

В лесу след стал более явным: здесь его особо не прятали, да и как спрячешь след от телег, которые волокут через кусты?

А вот и овраг. Знакомая повадка!

— Возгарь, глянь! — велел Илья.

— Не отстанем? — забеспокоился Малига.

— Не-а. Они с полоном. В болоне — бабы. Быстро не пойдут.

В лесу уже было темновато, однако помимо впечатков копыт можно было разглядеть и следы пеших. Причём эти пешцы ходить по лесу не очень умели. А вот этот маленький каблучок — точно женский... Нет, с такой челядью разбойникам не разогнаться.

Возгарь, матёрый гридень из кривичей, спустился в овраг.

— Вozy здесь! — крикнул он снизу. — Один — без колеса. И ещё мёртвые. Вижу троих. Ободраны до исподнего. Убиты стрелами. Дальше искать?

— После! Вылезай! Гридь, рысью!

Быстро темнело. Пришлось сбавить скорость. Илья был уверен, что Голубь и в темноте найдёт, куда ступить, но вот по следу он идти не приучен. Всё же не пёс...

— Рознег! Первым ежай! — скомандовал Малига. — Парень в темноте видит, как рысь, — пояснил он.

Илья спорить не стал. Рознег молод, отрок ещё. Зато из природных варягов. Обучен как следует.

А в темноте он и впрямь видел как кошка. Цепочка дружинников сразу пошла быстрее.

Им повезло ещё раз. Когда стемнело настолько, что даже Рознег ничего не мог разглядеть, а кони перешли на осторожный шаг. И тут потянуло дымком. Костёр.

— Спешиться, — скомандовал Илья. — Малига, разберитесь пока с лошадьми, а я сбегая гляну.

— Понял. Рознег, Возгарь — с княжичем!

Илья хотел было запротестовать, но понял, что Малига прав. И не только потому, что хочет прикрыть Илью. Если они отыщут разбойников, то кому-то надо будет сообщить остальным, а кому-то — остаться наблюдать.

Да, маловато пока у Ильи воинского опыта. Хотя опыт, как сказал когда-то Богуслав, — дело наживное. Главное — выжить, пока его набираешься.

Костёр. Устроен умело: два длинных сухих ствола горят крест-накрест под сенью вековой ели, так что дым теряется в кроне, да и свет тоже. Издали не заметишь, но русам повезло: они оказались близко.

Вокруг костра — семеро. По виду охотники. Что удивило: старшей, похоже, была женщина. Рослая, широкоплечая, в мужской одежде, но с мужчиной всё равно не спутаешь: слишком много плоти за пазухой.

Неподалёку — гора поклажи и упряжи. А немного поодаль — семеро связанных: четверо мужчин и три женщины. Две — совсем молоденькие.

Чуть в стороне — стреноженные кони. Не меньше двух десятков.

«Шестеро — это немного, — подумал Илья. — Втроем возьмём легко».

Да он бы и один взял: у тех татей, что близ костра, только тесаки да пара топоров, воткнутых в стволы.

Остальное: луки, тулы со стрелами — шагах в десяти, подальше от огня. Пока дотянутся...

— Берём! — азартно прошептал Илья Рознегу и Возгарю. — Прикрывайте!

Он убрал лук в налуч, выпрямился, вынул из ножен мечи и неторопливо вышел на освещённую костром полянку.

Большая ошибка с его стороны.

В оправдание Ильи можно было бы сказать, что ему слишком везло в последнее время. Это и вселило ложную уверенность: мол, достаточно ему, княжичу и старшему гридню, показаться во всей красе — и ошеломлённый враг тотчас в ужасе опрокинется навзничь.

От мгновенной смерти Илью спасли добрая бронь и то, что стрелок не стал бить в лицо, а решил, что сумеет пробить кольчугу.

Шибанувшая в спину стрела толкнула Илью вперёд... И вторая стрела ударила в живот. Больно! Но кольчуга и тут выручила. А вот от брошенного в лицо топора бронь точно не уберегла бы, но Илья увидел бросок и уклонился. А метнувший топор разбойник тоже схлопотал стрелу, скорчился и рухнул в костёр, подняв столб искр. И дико завопил.

Илья прыгнул вперёд, перемахнув через бревно, на котором сидели разбойники, ухватил первого попавшегося, закрылся им и бревном от затаившихся в темноте стрелков и заревел туром:

— Грiddy!!! Сюда!!!

Свистнула ещё одна стрела. Удар — и разбойник, которого сцапал Илья, охнул и перестал трепыхаться.

И всё. Топот нескольких пар ног, тут же потерявшийся в лесу. Плач пленных девок, треск костра, вонь горелого мяса...

— Что ж ты, княжич, так... неаккуратно, — укорил Малига. — Подождал бы нас... А если б убили тебя?

Илья помалкивал. Мрачно. Во всём прав Малига. Зазнался он, Илья Сергеич. Решил от жадности к славе всех врагов в одиночку поразить.

И получил, что заслужил. Прав Малига: счастье, что не убили.

Итог схватки не радовал. Трое разбойников — насмерть. Раненых, чтоб допросить, — ни одного. Пленников, правда, освободили и добычу, взятую на караване, отняли. Но остальных татей бездарно упустили. В том числе и бабу. А ведь баба эта — не кто-то там, а любимая младшая жена Соловья именем Хворь. Пленные рассказали: билась она наравне с мужами и лично зарубила секирой купца.

И где теперь эту Хворь искать?

Была, правда, у Малиги мысль: пару разбойничьих лошадок на свободу отпустить. Вдруг к жилью выведут.

Утром попробовали... Не получилось. Никуда лошадки не пошли. И человеческих следов не осталось никаких. Ушли тати. Из-за беспечности и наглости Ильи. Ой, стыдно!

ГЛАВА 2

Князьи заботы

Моров

Юница спала, свернувшись калачиком. Утомилась. А вот Илье не спалось. Соловья он изловил, тем не менее нападения не прекратились. Кулиба сообщил о ещё одном пропавшем караване. Сотник Гордей, командир присланных батей дружинников, поведал о другом случае: о спугнутых лесовиках, которые сунулись к каравану фальшивому, но вовремя распознали переодетых воев. Прибавить сюда тот обоз, остатки которого спас Илья, и выходило, что Соловей попался, а разбоев стало только больше.

Сначала Илья очень расстроился. Особенно из-за собственной оплошки. Но сейчас, после совещания, ужина и сладкой девки, успокоился и решил, что дела обстоят лучше, чем показалось сначала.

Во-первых, у него нынче больше двухсот воинов, значительная часть которых опытная гридь. Подобной дружиной, даже вполонину меньшей, далеко не всякий князь похвастаться может. Во-вторых, командуют моровским войском люди умелые и достойные.

В-третьих, до сей поры за разбойниками не замечалось, чтоб они нападали на фальшивые караваны. А тут купились. И почти попались. Батя, правда, по этому поводу сказал бы своё обычное: почти попал — это значит промазал, но всё же...

Да и часть пленных они отбили, чего ранее тоже не случалось.

И не такие уж они храбрецы, если сразу сбежали, не попытавшись дать настоящий отпор. Сбежали, правда, умело, но всем понятно, что драться с гридью на равных тати более не рискуют. Их ведь, по словам отбитых пленников, было примерно столько же, сколько у моровских, — девятеро. Это всего. А побежали разбойники от троих. Даже и не подумали драться, хотя часть в схоронках сидела.

И все они дали дёру. В драку полез только тот, с топором, но и он, похоже, со страху. Так что повезло Илье, что говорить. Будь в том отряде кто-то равный Соловью или Зибору — случился бы бой, и бой жестокий. Илье оставалось только радоваться, что разбойники удрали. Не то в семь луков они могли прижать и Рознега, и Возгаря, не говоря уже об Илье, который по собственной глупости оказался бы на виду и в окружении бьющих из темноты опытных стрелков.

Какой из этого вывод?

Рисковать соловьята не хотят. Коли так, то можно пока принять предложенное Гордеем: сбивать малые караваны вместе и придавать каждому по пять-шесть дружинников. Людей хватит, ещё и на дозоры останется. Для начала план стодится. Но только для начала. Охранять караваны — это уже означает уступить разбойникам. Ни Святослав, ни Владимир не

смогли бы примучить вятичей, если б ограничились охраной идущих по Оке кораблей, всё остальное отдав лесовикам. Надо брать под себя всю землю. Знать не только о каждом селище, о каждой затерявшейся в лесах охотничьей избушке.

Когда Илья с батей последний раз разговаривали, батя нарисовал картинку-карту Моровского княжества. Показал на узкую прибрежную полосу и сказал:

— Это уже наше. — А потом обвёл стилем огромное в сравнении с синей ленточкой Десны зелёное пятно и сказал: — А это должно быть нашим. Потому что, Илюха, это и есть наше главное богатство. Не заселённые и застроенные берега, а вот эти бескрайние земли. И ежели заселим их все, Илюха, то станем мы, Русь, побольше Византии. Однако обо всей Руси пускай великий князь печётся, а нам с тобой о княжестве Моровском надо порадеть. Сам подумай, какое место славное. Киев — близко. Чернигов — ещё ближе. А главное, всё, что добудем, куда хочешь повезём. Хочешь — к ромеям, хочешь — к полякам, чехам, германцам. Вот она, дорога! — Батя ткнул стилем в синюю ленточку. — И вот другая дорога. — Батя показал на совсем тонкую чёрную линию тракта. — А ещё если бы вот здесь мост построить и оба берега связать... Но сначала — это! — Батя опять ткнул стилем в зелень лесов.

Илье батина мысль была понятна. Но как её воплотить, Илья пока не знал. Батя, наверное, знал, но помалкивал. Надо думать, ждал, как сын разрешит эту задачку. И Илья её разрешит, куда он денется.

Не зная, как унять мысли (поспать-то всё же надо), Илья пихнул девку. Спит, тёлочка. Хотя...

Можно и не будить.

Илья перевернул её на спину. Спит. Розовый ротик приоткрыт, белые сиськи с такими же розовыми сосками расплылись, мягкий живот ходит ровно вверх-вниз. Бёдра тоже мягкие и белые сверху, но на ладонь выше колен уже покрыты загаром. Чем ниже, тем гуще. Это от стирки. Так-то ноги заголять — стыд, но во время постирушек можно. Вот и примагнивают парней голыми лягами.

Илья усмехнулся, перекатился на руки, замер над девкой. Наваливаться не стал — этак и раздавить недолго, — впихнул колени между мягких бёдер, двинул ногами в стороны, освобождая причинное местечко, и толчком вогнал уд в ещё не обсохшую жаркую вагину. Правильно ромей её назвали: вагина. Точно, как ножны для меча. Хорошие ножны — они тоже мягкие, войлоком изнутри проложены или шерстью, чтоб влагу впитать... Ну, столько влаги никакие ножны не впитают!

Юница заохала, застонала: «Го-о-дун...», попыталась обхватить Илью ногами, но он не позволил. Наоборот, приподнялся, перебросил колени так, что оказались снаружи, и сдавил, стиснул ими и девкины ноги, и норку её, и собственный уд.

Во-от так хорошо! Вот так сла-адко! О-о-о!

— У-у-у! — завывала девка. Потом: — Ах, ах, ах! — будто задыхалась. А может, и впрямь задыхалась, потому что Илья уже не стоял над ней, а наваливался, пахтал мощными короткими ударами, упираясь уже только локтями и впиваясь ртом в нежное пульсирующее горлышко до самого распоследнего мига, когда Юница завопила истошно, хлынула соком... Тут уж и Илья вскинулся на выпрямленных руках, взревел

ярим туром и завершил: влил в девкину утробу богатырское семя.

Опорожнился и рухнул, опрокидываясь на спину и подхватывая девку, придерживая за упругую задницу, чтоб осталась с ним, а он — в ней.

Она и осталась. Распласталась на нём, жаркая, подрагивающая мелко, будто оленица, которой вскрыли ножом горло. Влага, её и его, вытекала щедро, пачкая постель...

— Мой господин... Княжич...

— Здесь! — Илья спихнул девку и сел. — Зайди, не мнись! — гаркнул он.

Дозорный отрок осторожно откинул завесу, глянул на раскрасневшегося княжича, потом на девку, испятнанную следами мужских пальцев и губ, раскинувшуюся бесстыдно, бессильную даже прикрыться. Глянул, сглотнул и проговорил почему-то шёпотом:

— К тебе гость, княжич. Из лесу.

— Ты кто?

Лесного гостя сопровождали два гридня из Гордеевой сотни. И сам сотник Гордей. Все трое — на чеку, как будто привели не какого-то там смерда-лесовика, а лучшего из воинов.

Илья встречал, понятно, не голышом в спальне: накинул порты и рубаху, опоясался мечом и сел за стол в светлице, которую облюбовал для умных занятий. Сейчас, понятно, в светлице было не так, как днём, однако пара масляных ламп византийской работы позволяла не просто видеть, но свободно читать самые мелкие буковки.

— Ты кто?

Лесовик подумал немного...

И поклонился в пояс. Сам. Без «помощи» гридней.

— Ладовлас.

— Я спросил, кто ты, а не как тебя зовут, — заметил Илья очень спокойно, хотя внутри всё дрожало, как у гончей, которая поймала след.

— Я скажу, — ответил лесовик. — Но только тебе.

Чем-то он Илье нравился. Тем, как держался, наверное. Признавая старшинство Ильи, но без подбострастия. И без страха. Хотя наверняка понимал, что, шевельни Илья пальцем, и его мигом уволочут в подвал, где он вскоре будет отвечать без запинки на любые вопросы. Ну, если не считать запинками жалобные вопли. Да, крепкий муж. И не физической силой, хотя и тут не обижен, а духом. Ох, непростой это лесовик. Хотя последнее и так понятно. Явился среди ночи, потребовал княжича... И даже как-то убедил гридь, чтоб его пустили. Могли ведь и прибить...

— Почему я должен верить тебе больше, чем моей гриди? — нахмурил брови Илья.

— Сновид сказал. Только тебе, — буркнул лесовик.

— Сновид мёртв.

— Он — да. Воля его — нет.

Да. Есть в лесовике сила. И храбрость. И верность.

— Гордей, заberi своих и выйдите.

— Княжич!

— Ты ведь его сразу ко мне привёл, верно? — усмехнулся Илья. — Почему?

— Псы его не тронули, — сказал Гордей.

Вот это интересно. Псов, которых ночью выпускали охранять Моров, ещё Ярош натаскивал, и обращаться с ними умели немногие. Днём они в яме сидели, взаперти. Потому, кстати, и выжили при штурме.

— Иди, Гордей. Думаешь, я со смердом не управлюсь?

Гордею приказ явно не по душе пришёлся, но подчинился. Вышел и дружинникам махнул: мол, со мной. Впрочем, далеко не ушли. Остались на галерее.

— Я подойду? — спросил Ладовлас.

Илья кивнул. Опасности он не чувствовал. Вряд ли этот человек замыслил недоброе. А если и замыслил... Оружия у него нет, это наверняка проверили. Справиться с оружным Ильёй голыми руками... Это надо силёнку иметь как у покойного Сварожича, великана, которого Илья убил этим летом и который перед тем играючи уложил малый десяток дружинников судеревского князя. До великана со Святогорки Ладовлас не дотягивал ни умением, ни статью.

— Так кто ты?

— Вместо Яроша я, — совсем тихо произнёс ледовик. — А ночью пришёл, чтоб не увидал никто. Думал: тишком к тебе проберусь, да вот... — Он мотнул головой в сторону дверей, — заметили.

— Само собой, заметили. — Илья усмехнулся. — Слово для собак в лесу ещё кто знает?

— Сновид знал. И я. Больше никто.

— Допустим. Поесть, выпить хочешь?

— Некогда, господин. Скажу, что надо, и сразу уйду.

«Нет, друже, ты уйдёшь, когда я разрешу», — подумал Илья. Но вслух не сказал. Чтоб не спугнуть.

— Говори! — разрешил он.

— Соловей, — сказал Ладовлас. — Сновид велел выдать его тебе.

— Опоздал. — Илья нахмурился. — Я его уже в Киев отвёз. В клетке.

Неужели не знает?

Знает, как оказалось.

— Соловья ты взял, за что хвала тебе! — Ладовлас поклонился в пояс, коснувшись рукой пола. — Сновид себя убил, чтоб в руки татю не даваться. Ты Соловья взял. Жаль не наказал...

— Без меня накажут, — усмехнулся Илья. — Великий князь его ярлу Сигурду отдал, а тот — палачу своему, Хравну. Думаю, Соловушка наш теперь кровью плачет, что я его вместе с дружками не зарезал. Хотя и дружкам его тоже умирать нескучно было. Да ты слышал, пожалуй.

— Слышал, — кивнул Ладовлас. — Только зря ты так. Людь тебя теперь как зверя лютого страшится.

— Зато вдругорядь разбойникам помогать поостерегутся.

— А куда им деться? — пожал плечами Ладовлас. — Лихие люди тоже шкуру содрать могут. Но ведь на то они и лихие, а ты — господин. Ты нас оберегать должен.

— Что я должен, а что нет — сам разберусь, — буркнул Илья. — Всё сказал, что хотел?

— Да ничего я ещё не сказал, — проворчал лесовик. — Ты ж слова вставить не даёшь... господин.

— Говори.

— Я и говорю: Соловья нет, но родня его осталась.

— И велика ль? — поинтересовался Илья.

— Шестеро сыновей у него, а дочерей — девять, — ответил Ладовлас. — Но один парень и две последние девки малы ещё. Они от третьей жены. А остальные с оружием управляться горазды, что парни, что девки, и злодеи все поголовно! — произнёс он с ожесточением. — Кровь лить, люд мучить — им в радость. Отец их сызмала убивать учил. И жену свою, которая третья, тоже учил. Он её украл где-то малой совсем. Говорили: знатного она рода. Сначала наложницей сделал, а как сына родила — женой пред богами. Думаю, она теперь стаей и верховодит: соловичами и теми, кто к ним прибился. Кличут её Смертной Хворью, и не зря.

«А я эту Хворь, считай, в руках держал, — с досадой подумал Илья. — Вот же...»

— Изрядный выводок, — процедил он. — И как их найти, Ладовлас?

— Найти можно. Я подскажу как, — пообещал лесовик. — Сам не отыщешь.

— Ты знаешь, где они?

— Знаю, кто знает, — ответил Ладовлас. — Те, кто сам в их ватаге. Но эти даже и захотят — не выдадут. Соловичи за такое отмстят страшно. И обидчику, и родне. Так что о том, что я к тебе приходил, — никому, господин! И воям своим скажи. Меня убьют — пусть. Но они весь мой род вырежут. Такая у них повадка.

— Сурово!

— Сказал же: им кровь лить, как нам мёд пить.

— Не бойся. Кровь лить и мы умеем, — мрачно посулил Илья. — Ты покажи только, где они прячутся!

— Там не только родня Соловьёва, — предупредил Ладовлас. — Другие тоже. Точно не знаю, но десятка два, не меньше. А ещё Хворь эта... Говорят, ведьма она, — добавил он с опаской. — Будущее видит, Соловья от смерти заговорила!

Илья хмыкнул:

— Надо думать, заговор некрепок вышел, раз от меня не уберёг.

— Это ещё как глянуть, — пробормотал Ладовлас. — Все, кто с ним был, — мертвы, а Соловей жив пока что.

— Ещё бы! — усмехнулся Илья. — Так ему и позволят — за Кромку сбежать. Так что о гнезде Соловичей? Кто меня туда проведёт?

— Сами и проведут, — сказал Ладовлас. — Я того места не знаю, зато знаю селище, куда они частенько заглядывают...

ГЛАВА 3

Охота на живца

Радимичские леса

С собой Илья взял уже знакомый в деле малый десяток Малиги, дополненный ещё тремя гриднями, умелыми лесовиками. Ещё десяток Бокши, который Илья тоже успел попробовать в бою. А к ним — семь лучших стрелков из батиней сотни, отобранных Гордеем лично. Гордей и сам хотел пойти, но Илья не согласился. Оставил его старшим в Морове. Кулиба если и обиделся, что его из воевод подвинули, виду не подал. А Гордей Илье в этом походе ни к чему. Стрелками Илья намеревался командовать лично.

Совершенно неожиданно с ними попросился Свен Неудача. Вместе с пятёркой его лучших рубак, тоже нурманов: двух свеев, двух норогов и одного огромного дана, которого звали Гудмунд Праздничные Врата.

Илья было воспротивился: мол, лес — это не палуба драккара, не крепостное забороло и даже не чистое поле. В лесу уметь надо!

— А ты проверь! — потребовал Неудача.

Илья проверил.

И нурманов взял. Все, даже громадина Гудмунд, передвигались по лесу не хуже самого Ильи, а подспорьем могли оказаться серьёзным. И по сей день потягаться на равных, строй на строй, с нурманами могли только лучшие из варягов. И стрел разбойничьих нурманская стена щитов боялась не больше, чем матёрый вепрь — швырковых ножей.

Правда, Илья подозревал, что желание Свена Неудачи лично участвовать в захвате лесного разбойничьего дома было далеко не бескорыстным. Награбить Соловей успел немало. Вдобавок кто-то из разбойников, оказавшихся в умелых лапах Свена, перед тем как помереть лютой смертью, проболтался: помимо взятого на купцах Соловей получал и подарки. Ценные вещи от лехитских князей и дань с лесовиков-радимичей. Якобы за защиту от христиан.

Пройти мимо такого богатства — совсем не по-нурмански.

Желающих прибрать награбленное Соловьём было бы значительно больше, если бы Илья не казнил его людей, а привёз в Киев. Там бы из них живо попытали все укрытия и схоронки.

Но Илья возможной добычей делиться не собирался, а Соловей, можно надеяться, слишком разговорчив не будет. И сам крепок, и оберегать ему есть кого, кроме награбленного. Так что палачу Сигурдаря с ним придётся как следует попотеть. А тем временем Илья многое успеет сделать.

Очень вовремя появился Ладовлас. Очень вовремя.

Теперь оставалось лишь точно узнать, где укрывище разбойников...

И взять его штурмом. Так предлагал поступить Свен. Налететь внезапно, чтоб добро перепрятать не успели.

Илья придерживался другого мнения. Он был сыном князь-воеводы Серегея, для которого вся добыча Соловья — как десяток кун¹ для того же Свена.

Своей главной задачей Илья видел не только и не столько прибрать к рукам богатства разбойничьей ватажки, но извести эту ватажку под корень.

А для этого мало было налететь внезапно и крошить всё, что сопротивляется. Надо было понять, как действуют разбойники. Сколько их в лесном доме? Как и когда они берут дань с лесовиков? Когда собираются вместе? А ещё лучше — заставить их собраться вместе и угодить под удар русов. Изучить врага, потом заставить атаковать, показав якобы слабое место, как это делается в поединке.

«Правильное знание — ключ к победе, — говорил батя. — Сначала ты должен получить полное понимание обо всём, что можно, — батя использовал другое, латинское слово «информацию», — а потом уже, на основании увиденного и понятого, прикинуть, как будет действовать твой враг, и только потом уже начать действовать. С учётом возможных ответных действий. Представь себе, что ты готовишься

¹ Кун а. Мы знаем, что это была популярная денежная единица. Абсолютно точной информации о куне нет. Я склонен думать, что это денежный эквивалент пушной шкурки. Куницы, например. Или просто «кожаные» деньги. Скажем, шкурка с печатью великого князя. В описываемое время, предполагаю, куна равнялась примерно грамму серебра. Лет двести спустя — двум граммам.

к бою, вот как мы сейчас играем с тобой в фигуры¹. Я делаю ход, — батя подвинул башню, — и примерно представляю, как ты ответишь. И как я отвечу на твой ответ. Ну и дальше. Если игрок достаточно умел и умён, он может продумать и на три, и на четыре хода вперёд, но толк от этого будет только тогда, когда он точно осознает своё настоящее положение и то, что из себя представляет противник. Вот я, например, точно знал, что ты съешь мою башню своим всадником, и потому вот тебе мой ответ...»

«А если бы я не съел?» — спросил Илья.

«Тогда мне понадобился бы другой план. Неважно, на сколько ходов вперёд ты распланировал бой. Один неожиданный ответ противника, и все твои планы станут не просто бесполезны, а вредны».

«Почему вредны? — удивился Илья. — Разве плохо думать вперёд?»

«Думать — неплохо, — ответил батя. — Но лучше действовать вообще без плана, чем следовать тому плану, который уже не верен. Бой, Илюха, это побыстрее, чем фигуры. И это — постоянные изменения планов. Даже обычный поединок. В нём столько случайностей, что вести его по собственному разумению можно, лишь если ты непрерывно отслеживаешь, чувствуешь действующую ситуацию. Это намного важнее умения планировать вперёд, — батя иногда говорил мудро, но Илья привык и понимал, о чём он. — Ты, Илюха, можешь финтить и расставлять ловушки. Это нужно и правильно. Но при этом ты должен быть готов отказаться от любого намерения, если противник обошёл твой план или развалил его

¹ Средневековый вариант шахмат.

к бесам. Это бой, сын, а в бою всего предусмотреть нельзя. В бою можно и должно быть готовым. Ко всему. И отвечать, опережая противника. А вот до боя, будь то простой поединок или большое сражение, ты обязан предусмотреть всё, что можно. И учти: чем больше твоё войско, тем проще им управлять и тем больше вероятность, что все задуманные тобой хитрости будут осуществлены. Хотя в управлении большим войском тоже есть свои сложности».

«Какие, батя?» — поинтересовался Илья.

«Управление. Своими руками-ногами ты управляешь сам. И десятком — тоже. А вот с сотней — сложнее. Особенно если твоим людям предстоит действовать разрозно. Тут важно, чтоб все действовали согласованно, а для этого надо позаботиться о сигналах и о том, чтобы твои командирские «руки-ноги», то есть твоидесятники, точно знали, что им нужно делать по каждому сигналу, и самовольничали только тогда, когда этого требует та самая изменчивая боевая ситуация. И чем больше у тебя людей, тем важнее это самое управление и надёжность твоих командиров. Но даже если у тебя всё это есть, всё равно для уверенной победы этого мало, сын. Чем больше у тебя людей, тем больше твоё войско становится похоже не на людское воинство, а на охотничьего пса. И тебе приходится всё меньше думать о каждом вое и всё больше — об этом звере. Чтоб он был сытым и отдохнувшим. Чтоб он свирепел, когда надо, и бесстрашно бросался на врага, а когда надо — отходил по твоему зову. Чтоб не боялся и не впадал в ярость, перестав повиноваться. Это всё важно, сын, но ещё важнее — это ты сам. Любая твоя ошибка — и твой пёс окажется под копытами тура или умчится в лес

за зайцем, когда на тебя нападёт медведь. Ты понял, сын?»

«Да, батя», — ответил Илья.

«И что же ты понял?»

«Чем тщательнее готовишься к бою, тем меньше в нём будет неожиданного».

«Блестяще! — одобрил батя. — А теперь — спасай своего монарха...»

Вот почему Илья не обрушился бы немедленно и всей своей силой на лесное укывище разбойников, даже если бы точно знал, где оно. Даже в этом случае он поступил бы точно так же: двинул своё воинство к лесной деревушке, о которой говорил Ладовлас. Именно сюда частенько заходили чада Соловья. У одного из соловочей там жила девка, внучка главы рода. Жениться на ней Солович не собирался, однако обитателей деревеньки прикармливал: сбывал через них кое-какую мелочь, взятую во время разбоев. Если бы удалось взять Соловича в плен и вдумчиво допросить, у Ильи появились бы так необходимые сведения о разбойничьем логове.

Заходить в деревеньку всем воинством Илья не стал, взял с собой троих: Возгря, Миловида и Гудмунда.

Остальным было велено обложить деревеньку со всех сторон и следить тайно, причём первый день выпускать всех беспрепятственно, а после второго только впускать, а уходящих вязать и держать до времени. Однако в саму деревеньку входить, только если в неё войдёт действительно крупная и оружная ватажка.

Вот это было бы совсем удачно: не только раздобыть «языка», но и прихлопнуть изрядную часть татей заранее.

В общем, настропалил Илья ловушку. И теперь оставалось ждать, когда в неё угодит нужный зверь.

Старшим Илья оставил Свена. Решил, что тот — самый опытный.

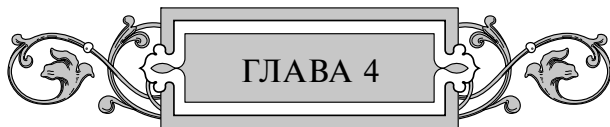
Лучше бы Илья доверил старшинство Малиге. Кривский десятник уже сталкивался с разбойниками Соловья и относился к ним всерьёз, а вот для нурмана те были всего лишь непомерно обнаглевшими смердами.

Пару суток было тихо.

Илья утром и вечером отправлял Возгаря снестись с гриднями и узнал, что в первую же ночь деревню покинули двое смердов.

И пока что не возвратились.

А вот третья ночь преподнесла подарочек.

ГЛАВА 4

Ночная скачка

Деревня радимичей

Жилось в лесной деревеньке Илье с гриднями не-плохо. Разместились вчетвером в общинном доме. Это сначала. Потом Илья решил: не лучшее место. Потому что это только так называлось: общинный дом, а на самом деле — просто длинная вонючая землянка, сырая и богатая исключительно насекомыми. Собственные избы обитателей деревни были куда уютнее, так что на следующую ночь Илья со своими переехали на постой кто куда. И провели ночь намного интереснее. Особенно Миловид, к которому в спальню пробрались аж трое: младшая жена хозяина избы и две его дочери.

Илья тоже не скучал, но развлекался недолго. Задолго до полуночи выставил ночную гостью и как следует выспался.

А на следующий день как следует погонял свою маленькую дружину. Особенно досталось Миловиду, который ночью отдохнуть толком не смог. За что и поплатился.

Себя, впрочем, Илья тоже не жалел. До полудня он играл боевым железом с Гудмундом, который был

едва ли не поздоровей, чем Илья, почти так же подвижен, а выносливостью был... нурман нурманом. То есть драться мог, пока не проголодается.

Особенно же интересен для обоерукого поединщика Гудмунд был тем, что орудовал хогспьётом — тяжёлым копьём, оснащённым длинным наконечником на железной трубке, которым удобно не только колоть, но и рубить. Особенно опасны были удары по ногам. Пару раз Гудмунду даже удалось сбить Илью с ног, и не будь наконечник защищён, просто падением Илья не отделался бы.

Впрочем, и Гудмунду досталось. Илья клинки не защищал, только придерживал удары, а если и бил, то не лезвием, а плоскостью. Но бил, не особо стесняясь, так что синяков нурману наставил не меньше, чем получил. После обеда рубились совместно: двое на двое, один на троих, все против всех.

Весело было. И деревенским тоже. Поглазеть на воинов настоящих и осознать, кого в этом мире надо бояться и кого — ублажать.

Третья ночь...

Третья ночь в деревне для Ильи началась с непонятного сна.

Стоял вокруг него незнакомый лес: старый, седой, недвижимый, безжизненный. А меж стволами сновали тени духи бесплотные, нестрашные, но докучные. Касались холодком, постанывали, будто хотели чего-то, а выразить не могли. Илья чувал, что в силах их отогнать, но не гнал. Опасности в духах не чувал. Так, беспокойство. Его больше само место привлекало. Стволы мшистые, почва под ногами непонятная: будто сплетённое из ветвей дно огромной

корзинки, присыпанной жухлой осенней листвой... Хотя, если приглядеться, не присыпанной, а проросшей. Зыбкая почва, но ощущалась почему-то надёжной. Ноги стояли твёрдо... Ноги ли?

Не ноги — лапы мохнатые размером с медвежьи, но не медвежьи, а с человеческими пальцами, только что волосом обросшими.

Этакой подмене Илья почему-то не удивился, будто так и надо. А вот стволы беспокоили. Что-то в них не так было.

Илья запрокинул голову...

И аж присел, втянув голову в плечи.

Там, наверху, у чудных деревьев не было крон. Вместо ветвей — корни чёрные, шевелящиеся, а над ними — крошечная тьма. Вот она-то испугала всерьёз.

И тут же закричали вокруг Ильи разные звериные голоса, докучные тени кинулись во все стороны прочь...

И Илья проснулся.

Спал он на сдвинутых лавках за большим ларём сбоку от дверного проёма. Тусклый свет из щели-оконца падал на середину клетки¹, оставляя угол Ильи в тени, даже если снаружи было светло, а не как сейчас.

Илья проснулся от шороха поднявшейся и опустившейся завесы. И от шуршания ног, ступавших по соломе. Очень-очень легко и тихо.

¹ Клеть — небольшое неотопливаемое помещение, часто без окон, иногда пристройка к основному строению, использовалась как складское помещение или как спальня в тёплое или условно тёплое время года.

Это и насторожило. Если б к нему заглянула жаждущая ласки селянка, вряд ли она стала бы так скрытничать.

Илья не шевелился. Лишь нашарил рукоять основного меча и осторожно потянул носом, лоя сквознячок из сеней.

Пахло женщиной. И — конским потом.

Боевым железом не пахло совсем, однако это не значило, что у гостьи нет оружия.

Вновь зашуршало. Женщина встала у ларя. Видеть Илью она не могла. Учутья — тоже вряд ли. Здесь, в углу, воздух неподвижен. Услышать?

Наверняка. Илья дышал глубоко и ровно. Как спящий.

А гостья дышала тихонько-тихонько. Сейчас она сделает ещё один шагок...

Илья опередил. Скатился со своего ложа, уходя от возможного удара, и — к ногам гостьи. Рывок... И даже не вскрик, негромкое «ох!», когда она опрокинулась навзничь. Илья тут же оказался сверху, поймал и сжал её руки...

Женщина не сопротивлялась. То есть в первый момент напряглась... Но тут же расслабилась.

Оружия у неё не было. Одежды — тоже. Упругие бёдра сжались, спина выгнулась...

Вернее, женщина попыталась выгнуться и сбросить Илью...

Безуспешно. Однако она оказалась неожиданно сильной. И не по-женски твёрдой... Будто не женщина это, а парень...

Но всё-таки это была женщина. И когда колено Ильи протиснулось между её ног, сопротивлялась недолго. И девственницей она тоже не была, в чем

Илья убедился немедленно. Да он не стал бы медлить, кем бы она ни была. Если обнажённая женщина входит ночью в спальню славного воина, то вряд ли для того, чтобы прибраться в клетушке.

Силёнка у неё имелась, да. А вот той особенной женской податливости и мягкости, какие были у всех, с кем доселе любился Илья, — ни следочка. Даже грудь не мягкая, как положено, а твёрдо-упругая.

Зато многопудовый вес Илья она вынесла запросто: не задыхалась, не пищала, а кричала в полный голос: орала, выла, визжала...

Вот это была скачка!

В клетушке было не жарко — осень! — но с Илья пот струями тёк. Будто не место женское толок, а в броне по холмам бегал. Ну и баба! А может, и не баба вовсе, а кикимора какая-нить? А, всё равно!

Когда уд в очередной раз обмяк и крепнуть более не пожелал, Илья повалился на спину, на повядшее луговое сено... И засмеялся. Хорошо!

— Как зовут тебя? — спросил, не поворачивая головы.

— Ты можешь Жеркой кликать, — хрипло проговорила женщина. И тут же вскинулась резко... Илья еле успел перехватить руку, нацелившуюся на его естество.

— Не балуй!

— Испугался, что ль? — Женщина дёрнулась, пытаясь высвободиться. Запястье влажное, скользкое... Но Илья всё равно удержал, стиснул и давил, пока не пискнула: — Отпусти! Больно!

Тогда разжал пальцы, отметив про себя: терпелива. И горда.

Женщина тут же вскочила... Но убежать ей Илья не позволил. Ухватил за лодыжку, опрокинул рывком на себя, прижал шуйцей к груди:

— Я тебя не отпускал, Жерка!

Поймал крепкую ладошку, ощупал: ах какие интересные пальчики! А какие мозольки на них занятные! От женской работы таких не бывает, а бывают такие от тетивы да упражнений с оружием.

— Ты ему жена или дочь?

— Кому — ему?

А дрогнул голосок-то!

— Соловью!

Рванулась в полную силу, ударила свободной рукой по глазам, ногтями, как кошка.

Илья был готов: перехватил и вторую руку, вывернул слегка в нужную сторону.

Женщина зашипела от боли, попыталась ударить головой в нос... Вскрикнула, когда приложилась собственным носом в подставленную нижнюю челюсть, клацнула зубами — впустую и запыхтела, когда Илья опрокинул её на живот, навалился сверху, придавил к земле... И снова вошёл, потому что сила вернулась и требовала: ещё!

На этот раз он пахтал её долго. Не торопясь, но и не ослабляя натиска. Вбивал по самую гарду. Жерка то стонала и охала, то кричала в голос... Илья не останавливался и не сбавлял. Любовная радость и воинская ярость соединились в утешной схватке.

— Убить меня хотела? — спрашивал, вбивая в неё булаву.

— Нет, нет... Да! Да! Убить! Да! Ещё! А-а-а!.. Нет! Довольно! Слышишь? Перестань! Хватит... Уд твой отхватить под корень! Хватит! Не могу-у-у!.. Убей

меня! Убей! Ты, проклятый... А-а-а! Убей! Сильнее! Шибче! Проткни меня своим рогом! Дава-а-ай!..

Когда Илья излился в её раскалённое нутро, пехуи уже прокричали рассвет, а Жерка перестала кричать. Только сипела, как умирающий с прорезанным горлом.

Илья поднялся, потянулся, чуя, как гудит-струится в жилах густая сильная кровь.

Жерка лежала не шевелясь. Илья перешагнул через неё, пошарил по полу у дверей...

Так и есть. Нож. Даже не нож — кинжал с узким и длинным клинком. Такой в плоть входит как острога в воду. Надо думать, уронила, когда Илья её с ног сбил. А может, заранее туда положила. Чтоб прирезать, когда Илья от любовных игр притомится. Ха! Ну и кто тут притомился, а?

Илья нашарил в углу кувшин с брусничным взваром, приложился...

— И мне... — прошелестело снизу.

Илья наклонился, намотал на кулак длинные распущенные волосы, приподнял... Даже не вскрикнула. Лицо измято, нос распух, но всё равно видно, что молода. Если и старше Ильи, то ненамного.

— Пей. — Илья поднёс кувшин к искусанным губам.

Пила жадно, захлёбываясь, кашляя. Взвар стекал по исцарапанной груди, по животу...

Напилась. Улыбнулась хищно:

— Ну ты и бык, Илья Моровский!

— Понравилось?

— Ну-у-у... Я рада, что сразу тебя не убила.

— Меня убить — это вряд ли, — качнул головой Илья. — Но я тоже рад, что не убил тебя... сразу.

А теперь Расскажи мне, почему я не должен убить тебя сейчас?

— А ты хочешь? — Жерка облизнула запёкшиеся губы. — Хочешь меня убить, тур-княжич? Или залюбить насмерть?

— Залюбить, понятно, лучше, — усмехнулся Илья. — Да боюсь, времени не хватит. Родня твоя небось уже со всех ног сюда спешит?

— Ага! — ещё шире улыбнулась Жерка. — Если я не вернусь до света, все наши сюда придут! Убивай меня, княжич, и беги! Не то братья мои булаву твою отрежут вместе с колокольцами и свиньям скормят!

— Нет, заботливая моя, — покачал головой Илья. — Убивать я тебя пока не буду. А бежать и во все никакого желания! Очень мне хочется с твоей роднёй сойтись поближе. Особенно после нынешней ночи. Слышал я: у тебя сестёр — целый выводок и мачеха тоже хороша. Любопытно мне их попробовать да с тобой сравнить. Так что ты полежи-ка здесь пока. — Говоря это, Илья умело спутывал запястья девушки одним ремешком, а ножки — другим. — Ты полежи, а я позабочусь гостей встретить!

— Дурак ты! — заявила Жерка. — Ужель думаешь, что вы вчетвером со всей нашей ватажкой управитесь? Да будь ты хоть сам Яровит — не совладать тебе!

— Эх, девушка... — Илья, присев, погладил её по щеке. — Чтоб ты знала: нынче летом мы сам-трое три десятка черемисов ракам скормили. И заметь, начал я один, потому что соратники мои тогда связаны были и к смерти готовились. А нынче нас здесь четверо, и свободных, а неподалёку — ещё немного, десятка четыре. И вои все неплохие. Может, и не все

так хороши, как я, — он самодовольно хмыкнул, — однако татей навроде ватажки вашей для затравки на завтрак кушают и добавки просят. — И, заметив, как исказилось личико Жерки, спросил: — Ты не знала, любя моя? Я так и подумал. Ну не одним же вам силки ставить! И знаешь, что ещё? Ротик твой сладкий я затыкать не стану. Так что, если хочешь, покричи. Вдруг братья тебя услышат и сбежат.

— Они не сбежат, — чуть слышно проговорила Жерка.

— Вот и я... надеюсь. — Илья выпрямился, накиннул на плечо подвесь с мечом и шагнул к выходу.

— Эй! Ты даже не спросишь, сколько нас? — крикнула вслед Жерка.

Илья развернулся:

— А зачем, любя моя? Как побьём, так и посчитаем. Мёртвых, чай, считать удобнее.

Не просто так сказал. Помощь Жерки ему бы очень пригодилась. Но по своей воле она ничего не скажет. Не тот характер. А скажет — соврёт. Значит, надо убедить её, что жизнь родичей её — в руках Ильи. С её помощью или без, а он всё равно их найдёт. Однако у неё есть шанс вымолить кому-то из них пощаду. У Ильи, который из расположения лично к ней, Жерке, может, кого и пощадит... Если Жерка поможет. Более того, если Илья согласится принять её помощь. А чтоб он согласился, она должна очень-очень постараться.

Этому Илью тоже батька учил. Хочешь побудить человека предать своих, сделай так, чтобы он не считал это предательством. Пусть думает, что не предаёт, а спасает. Что именно благодаря тому, что он выдаёт своих, ты из милости убьёшь не всех, а только половину.

«Есть меньшее зло и зло большее, — говорил батя. — Обычный выбор. Но если выбор тебе предлагает это самое большее зло, не купишь на посулы. Помнишь, как меня на заветном острове боярин Семирад искушал? Дескать, если я отдам ему своё золото, то умру легко, а тебя вообще не тронут. Мол, только от меня зависит, чтоб ты жив остался. И для этого я должен сдаться ему, врагу. Сложить оружие и отдать себя на милость того, на чью милость рассчитывать может только дурак.

Когда тебе говорят: «Если ты ослушаешься, то мы убьём не всю твою родню, а только часть»... Или «брось меч, не то все, кого мы убьём, будут на твоей совести...» Вот это и есть зло, которое предлагает тебе выбор. А выбора тут на самом деле нет, и совесть твоя тут ни при чём. Это всего лишь хитрость. Попытка заставить тебя не думать. Когда за пленного требуют выкуп — это честный выбор. Ты не о совести думаешь, а о том, нет ли иного способа твоего человека освободить. И не много ли за него просят. А главное, что, отдав золото, ты действительно получишь своего человека. А если тебе говорят: «Брось меч или мы убьём твоего сына» — ты должен думать не о том, что твоего сына хотят убить, не о том, сможет ли твой меч его надёжно защитить. Думай о том, зачем врагу оставлять твоего сына в живых, когда ты сам для врага больше не опасен. Главное — думай! Потому что именно страх побуждает человека идти на поводу у врага. Враг говорит тебе: «Я хотел бы спасти твою родню, но ты со своим упрямством не даёшь мне этого сделать». И вроде как ты уже виноват. Будто не он пришёл к твоему дому, чтобы грабить, убивать и насильничать, вершить зло, а ты, когда не желаешь

его впустить. И не улыбайся, Илья! Я много раз видел, как открывали и выпускали. Страх за себя лишает разума. Но ещё опаснее, когда не за себя. Ты-то сам смерти не боишься. Ты воин. У тебя тридцать смертей в одном только туле лежат и ждут, когда ты их с тети-вы спустишь. Но родня твоя, женщины, дети... Вдруг твой враг и впрямь их пощадит, если ты оружие сложишь...»

«А пусть поклянётся, что пощадит! — заявил тогда Илья. — Если поклянётся как положено, да при свидетелях!»

«Разумно, — признал батя. — Вот об этом я сейчас и говорю. О разуме. И о том, как страх лишает разума и побуждает идти против себя, против своих только потому, что враг сумел его напугать. Сумел убедить в своём всесии. И наша задача, сын, всегда об этом помнить. И не поддаваться. А при необходимости — использовать. Потому что и нам с тобой врагов в плен брать придётся. И понуждать их делать, что требуется нам, а не им. И понуждать их надо с умом. Скажи человеку: «стань предателем» — и он тут же упрётся изо всех сил. А если предложить ему родичей спасти? Это, согласишься, совсем по-другому звучит. А ещё лучше — ничего не предлагать. Только намекнуть, что он мог бы и себя, и родню спасти. Только намекнуть, а дальше уж пусть сам думает, что он тебе предложить может. За жизнь себя и своих».

«Ага, — согласился Илья. — Дедко Рёрах тоже примерно так говорил: мол, иной раз стоит пытуемого сначала железом хорошенько припечь, ни о чём не спрашивая. Когда созреет, сам разговорится».

«Бывает и так, — согласился батя. — Но не всегда. С самим Рёрахом вот не получилось».

— Ничего мне от тебя не надо. Всех твоих я и так убью, — сказал Илья Жерке, применяя батину науку.

Пусть подумает, поразмыслит. А потом и намекнуть, что из расположения к ней, Жерке, Илья может кого-то и пощадить. Если Жерка очень постарается.

Вот только обещать ей Илья ничего не будет. Разве что самой ей жизнь сохранить. Но это Илья и сам хотел сделать. По нраву ему пришлось воинственная девка. Пожалуй, ни с одной ему не было так славно. Будто одним телом живёшь. Слаще, чем на Голубе по Дикому Полю на ворога лететь...

Во дворе уже толпилось всё семейство смерда, чьим гостеприимством воспользовался Илья: трое мужей, пять баб и целый выводок детишек. Все уставились на голого Илью, будто на лешего: с неверием и ужасом.

Илья вмиг сообразил: не ждали, что выйдет. Ну-ну...

Держа ладонь на оголовье меча, он не спеша подошёл вплотную к старшему, худому и широкому, хлопнул шуйцей по плечу так, что тот аж присел:

— Славный ты мне ночью подарок заслал, лесовик! Потешил! — Скинул подвесь, сунул старшему родовичу в руки: — Подержи-ка! А я умоюсь пока! — Шагнул к углу дома, взял за бока десятиведерную кадушку с дождевой водицей, поднял и опрокинул на себя, хрюкнул от удовольствия, пихнул кадушку ближайшему парню, велел: — Наполни-ка из колодца. Холодненькой хочу!

— Дядька, а дядька! — Пока старшие взирали на Илью в безмолвном ужасе, к нему сунулся малец

в детской рубаше: — А ты Соловичну насмерть замутил, да?

— С чего ты взял? — добродушно поинтересовался Илья.

— Так она ж орала-орала... Свинку когда режут, и то тише верещит!

Илья присел на корточки.

— Если я свинку резать буду, она и хрюкнуть не успеет, — сообщил он, легонько щёлкнув мальчика по носу. — Нет, жива Соловична. Отдыхает.

— Жалко, что не убил, — шмыгнул носом малец. — Они братке дружка моего живот разрезали и камней туда напихали.

— И за что же так сурово с ним?

— Так он ихнего мотыгой ударил, когда тот милку его ссильничать захотел. А братко, он хороший был, луки детские нам делал. Зря он... Мотыгой.

— Почему ж зря? — возразил Илья. — Своих защищать надобно.

— Так убили же! И девку всё равно... обидели ещё хуже. И живность у них всю увели.

— Вот это плохо, — согласился Илья. — Но знаешь... Всё равно отступать нельзя. У меня вот копчёные батюшку родного убили и меня б тоже убили, кабы не помог... витязь один. А я не отступил.

— Ага! Ты вон какой... огромный! И меч у тебя!

— Нет, малый, я тогда чуть побольше тебя был: два года как штаны носить начал. И лук у меня тоже был детский... Так-то!

Илья выпрямился, принял бадейку, которую приволокли смерды, облился, забрал оружие и вернулся в клеть...

Чтобы вскоре выйти оттуда уже одетым, полностью вооружённым и с нагой пленницей на плече.

— Кушать не будешь? — подобострастно спросил хозяин.

— Со своими поснедаем, — качнул головой Илья. — Скажи, чтоб к общей избе завтрак нам собрали. И вот ещё... Скоро дружки её сюда набегут, — Илья шлёпнул Жерку по намятой ягодице, — так вы спрячьтесь куда-нибудь, пока мы с ними разберёмся.

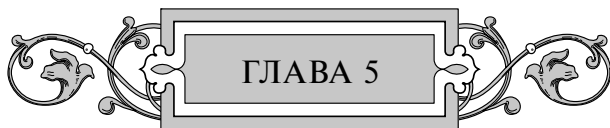
— А может, мы, это, пособим? — без особой уверенности пробормотал лесовик.

— Раньше пособлять надо было, — строго произнёс Илья. — И не нам, а тому, с мотыгой. Глядишь, не пришлось бы под татями ходить.

— А под вами лучше, что ли? — пробормотал смерд, когда Илья уже вышел за ворота. Надеялся, что не услышит.

Но Илья услышал, развернулся.

— Под нами — лучше, — сказал он твёрдо.

ГЛАВА 5

В осаде

Деревня радимичей

А разбойничков вои проворонили. У Свена какой был приказ: всех впускать, никого не выпускать. Но если в деревню полезет большая ватажка, не медлить.

А разбойнички, видать, секреты и караулы русов определили загодя. И перехитрили: пустили открыто только троих — отвлечь. Трое — это немного. Их останавливать не стали. Да вот за тремя явными просочилось ещё десятка два, оставшихся незамеченными. А это уже для секретов моровских совсем стыдно.

В общем, только сели Илья со товарищи завтракать, а тут откуда ни возьмись — целая прорва жаждущих отправить их за Кромку.

Хорошо, что Илья к угрозе нашествия Соловичей отнёсся не в пример серьёзнее Свена, который, услышав новость, только фыркнул, но Илью всё же послушался: бронь вздел, как и все.

Завтракали княжич с Возгарем и Гудмундом как ни в чём не бывало, хоть и в броне. Четвёртой с ними была Жерка. Со связанными на всякий случай ножками, но допущенной к общей трапезе, во время

которой Илья намеревался склонить её к нужному разговору.

А вот Миловид трапезничал отдельно, на вершине священного, увешанного дарами дуба.

Вот с него-то отрок моровский и затрещал со-рокой, упреждая своих о том, что враги близко и их много.

Вовремя поспел.

Забор вокруг общинной избы годный: высокий, крепкий. За таким и оборониться можно...

Но не втроём против нескольких десятков. Слишком длинный.

Так что, когда во двор общинной избы полетели стрелы, Илья, Возгарь и Гудмунд уже домчались до дома и дождь из стрел всего на миг, но опередили.

Общинная изба просторна и для обороны неудобна. Двери большие и слабые. Два окна без ставен, а главное — крыша из коры и соломы. Пары стрел довольно, чтоб полыхнуло. Долго не продержаться. Однако Илья надеялся: долго и не потребуется.

Сорвал рог с пояса, дохнул в него дважды, долго и коротко: «Враг у ворот!» Затем ещё трижды: «Все ко мне!»

И метнулся к окну, натягивая лук...

Выстрелить не успел — только пригнуться, потому что в окно, опережая, влетел целый рой стрел. И ещё один — во второе окно. Били, судя по полёту стрел, с забора.

— Гудмунд, к выходу! Дверью прикройся! — крикнул Илья по-нурмански, а сам встал за опорным столбом. Так, чтобы из окон не видно, а вход — как на ладони.

Отметил: Возгарь тоже хорошо схоронился: за печью.

Теперь следующий удар — за лесовиками. Хватит ли у них наглости самим в избу лезть, или осторожность проявят: подпалят крышу и подождут, пока русы наружу не полезут.

Или вообще дёру дадут, потому что сигнал Ильи наверняка слышали и то, что подмога вот-вот поспеет, уж точно сообразили.

Лесовики повели себя храбро: мощный удар в дверь...

Которая распахнулась легко и настезь.

Потому что не заперта.

Для разбойников сие оказалось неожиданностью: четвёрка, державшая таран-бревно, так с разгону и влетела внутрь вместе с бревном, которое они не сообразили бросить.

Двоих тут же положил Гудмунд: сунул копьём прямо из-за дверей. Двух других надел на стрелы Возгарь. Одного — в грудь, второго, более шустрого, — в спину.

Илья стрелять не стал. Ждал.

Дождался густого залпа в открытую дверь. Часть его приняла на себя печь, часть — брёвна стен.

Затем новая атака. Разбойники решили использовать воз, стоявший во дворе. Подкатили его к дверям, и пока часть лупила поверх бортов, не давая Возгарю высунуться из-за печи, другие гуртом полезли под днищем в избу. Причём учли, что слева их ждёт хогспьёт нурмана, и потому сразу взяли правее... Где их и встретил Илья. С мечами, потому что в тесноте рукопашной они удобнее лука.

Двоих Илья зарубил в пару ударов. Остальные четверо успели схватиться за луки...

И им на спины обрушился Гудмунд. Щит, которым он прикрылся, вмиг истыкали стрелы, с такого расстояния прошившие основу насквозь и в ней же увязшие, не причинив нурману вреда. Огромное копье Гудмунда оказалось куда смертоноснее.

Илья тоже не дремал: зарубил одного из стрелков, попытавшегося (смешной!) защититься от меча франкской работы древком лука, а второму подрубил ногу пониже колена, заодно уклонившись от стрелы, пропевшей над шлемом.

Возгрь же, воспользовавшись суматохой, выкатился из-за печи и укрылся за одним из идолов, в промежутке успев угостить стрелой одного из тех, что били поверх воза.

Однако враг не дремал. Стрелы полетели в одно из окон, причём довольно метко. Одна ударила в шлем Ильи повыше надглазья и вскользь, а вторая лупанула в грудь с такой силой, что Илья пошатнулся.

Впрочем, большая часть гостинцев досталась не ему, а нурману: штуки четыре угодили Гудмунду в спину и ещё одна сорвала бармицу.

На проворстве нурмана обстрел не сказался. Гудмунд мгновенно присел, развернувшись и прикрывшись истыканным щитом, и уже в таком не слишком удобном положении гигантской лягухой отпрыгнул к стене, оказавшись в слепой для лучников зоне.

Илья тем временем укрылся за дверной створкой — позицией не самой удобной, но пока более-менее безопасной.

Следующий ход — снова за разбойниками.

И они его сделали.

Но... совсем в другом направлении.

Наконец-то подоспела подмога.

Рык нурманов: «Берегись, я иду!» — прокатился над деревенькой, и обстрел тут же прекратился.

Илья тут же выскочил из укрытия.

Опоздал. Двор был пуст.

Ни разбойников, ни... Жерки. Улизнула шальная девка.

Илья на пару с подскочившим Гудмундом даже не откатили, отшвырнули упёршийся в двери воз, выскочили из избы... И столкнулись с ворвавшимися во двор нурманами, за которыми спешили остальные...

— Успели! — обрадованно заорал Малига.

— Какого драного лешего! — взвыл Илья, понимая, что весь его хитрый замысел разваливается на глазах. — Татей берите, прободи вас тур! Татей!!!

Но — поздно.

Вместо того чтобы, как планировалось, обложить деревеньку и взять в оборот угодивших в ловушку разбойников, все русы дружно бросились спасать своего княжича.

Спасли, ясное дело. Однако вместо похвал удостоились самой яркой ругани, на которую был способен Илья.

То есть его вина в случившемся тоже имелась. Второй сигнал «Все ко мне!» явно был лишним. Но неужели нельзя было подойти *тихо*? Без грозного рёва и топота?

— Тихо!!! — рычал Илья в бешенстве. — Они все были тут! Всех бы сразу и накрыли!

— Всех не накрыли бы! — вмешался Миловид, не испугавшись гнева княжича. — Они сторожей оставили. И те засвистели раньше, чем заорали нурманы.

Главный нурман Свен Неудача помалкивал. Потупил глазки, аки скромная девица. Стыдно ему. Просрал победу опытный воин Свен. Даже секретов в окрестностях деревеньки не расставил, хотя Малига его предупреждал.

Илья сплюнул в сердцах, бросил Малиге:
— С трофеями разберись!

И отправился заканчивать завтрак.

Спешить уже было некуда. Догонять лесовиков в их собственном лесу — всё равно что за рыбой в море гоняться. Да и пусть бегут. Пусть плетут петли, прячут след, как пожелают. Тот след, по которому они ушли, Илье не нужен. Ему нужен тот, по которому они пришли. Но это — на крайний случай. Теперь он знал: есть в деревне те, кто знает, где логово соловичей. А раз знают, то расскажут и покажут. Мало кто умеет хранить тайны, если правильно задавать вопросы.

ГЛАВА 6

Разбойничье гнездо

Радимичские леса

То, что упало на пол с перекладки, назвать человеком было трудно. Кусок окровавленного и обожжённого мяса на загаженном полу.

— Молчит, — в очередной раз признал свою беспомощность Хравн Белокурый, самый умелый из Сигурдовых палачей.

— Может, он язык откусил? — предположил Владимир.

— Княже! — обиделся Хравн. — Я знаю своё дело!

Владимир наклонился к телу, оттянул пальцем веко единственного глаза... Вместо белка — сплошная краснота. Однако зрачок на месте.

— Видишь меня? — спросил великий князь. — Отвечай на вопросы — и всё скоро закончится. Жизни не обещаю, но смерть — да. Слово князя. И тело сожжём по вашему обычаю. Хочешь — оружие в руку вложим?

Пленник молчал.

— Лекаря надо звать, — озабоченно проговорил Сигурд. — Как бы не сдох.

— Не тревожься, ярл. — Хравн Белокурый сполоснул руки и вытер полотенцем. — Жизни в нём хватит. На пару дней — точно. А потом подлечим — и я снова им займусь. Давно мне такого сильного мужа не попадалось.

— Рад за тебя, — по-нурмански проворчал Владимир. — А мне интересны имена его сообщников в моём городе.

— Он скажет. — Хравн похлопал лежащего по щеке и снова обтёр руку полотенцем. На ткани осталось красное пятно. — Обязательно скажет. Я обещаю.

Но настоящей уверенности в его голосе не было.

— Десятка три, — сообщил Миловид. — Это без дозорных. Луки, считай, у всех, а так оружие — не очень. Копья, щиты, топоры, ножи. Брони ни на ком не видел. Зато видел двоих, которые точно бабы. Что ещё добавить? Бегают все хорошо и прыгают тоже. Через забор сигали не хуже наших.

Что оружие у разбойников так себе, Илья, Возгарь и Гудмунд убедились на собственном опыте. Двенадцать разбойников уже никогда не будут безобразить, а на русах — ни царапины. Так, бронь немного поцарапали да проволоку, на которой у нурмана бармица держалась, порвали. Ну и щит ему новый потребуется... Нет, против настоящих воев татям ни за что не устоять... Если попадутся.

Русы глядели на лесное укывище Соловья. Найти его оказалось легко. Даже проводника из деревенских брать не пришлось. Довольно было сказать приметы заветного места Ладовласу, который знал здешние леса как хозяйка — собственную избу.

— Просторно живёт, — отметил Свен Неудача. — У меня и то двор поменьше.

— Так у тебя двор в Киеве, а у него — в лесу, — возразил десятник Бокша. — Тут места много.

— И добра, видать, тоже много. — Свен даже облизнулся от предвкушения.

Илья молчал: разглядывал лесное логово. Верно сказал Свен: просторно Соловей отстроился. И умело: ни строений, ни окружавшей их стены так сразу и не заметишь. И место удачное — в распадке меж двумя холмами, и если глянуть издали, лес и лес. Деревья растут, кустарник. Ручей журчит, собираясь в небольшое озерцо перед бобровой плотиной. На озерце — бобровая же хатка. Для опытного человека верный признак: людей поблизости нет. Вот только бобров что-то незаметно.

— Глянь-ка — ягодник на кровле. — Свен усмехнулся. — Совсем как у нас на длинных домах.

— Для полного сходства только козы на крыше не хватает, — хмыкнул бывавший в нурманских землях Малига.

— Мясо жарят. Думаю, ужинать будут... — пробормотал Неудача и звучно сглотнул слюну.

— Собак у них нет? — спросил Илья.

— Не слышать, — отозвался Ладовлас.

— И что с того? У моего бати волкодавы... Их тоже не слышно. А бывает, что и не видно, пока на спину не прыгнут.

— Да откуда у них такие звери возьмутся!

— Да можно и без собак, — вмешался Малига. — Конь, если хорошо обучен...

— Уходим, — перебил его Илья.

— Эй! А брать-то не будем, что ли? — запротестовал Свен.

— Будем. Но не вшестером.

— Проголодался, да? — усмехнулся Малига. — Боишься, что разбойнички без тебя поужинают?

— Ага, — буркнул нурман. — Проголодался. Думаю, не поужинать ли мне одним говорливым десятником?

— Главное, чтоб никто не ушёл, — напутствовал воев Илья. — Потому как только мы во двор войдём, твои отроки, Бокша, запалят траву за изгородью. Она сухая, займётся сразу. И тростник вдоль ручья — тоже. Бить всех, кто наружу полезет, но аккуратно: или тупыми стрелами, или по ногам. Хочу побольше живыми взять. Ко всем относится! — Илья строго оглядел гридь, отдельно задержавшись на каждом из нурманов. — Живыми, ясно? Берём мы их врасплох, против нас в открытом бою они как шакалы против лютого зверя. Давить, валить, вязать всех, кроме детишек. Женщин — тоже. Вязать! Кто до окончания дела грабить начнёт или, не стерпев, на бабу полезет... Лучше ему свой стручок самому отрезать, потому что оторву вместе с бубенчиками! — Илья сжал здоровенный кулак.

Гридь заухмылялась... Но пошутить никто не рискнул.

— Все уразумели: кому, откуда и когда заходить?

— Да ясно всё, княжич, — пробасил Свен. — Чай, не детские. Давай уж это... Дело делать, а то терпенья уж никакого нет, так хочется это, с бубенчиками!

Вои заржали. Дело казалось не трудным, а добычу сулило изрядную.

Илья веселья не поддержал:

— Батя мой так говорит: врага недооценить — смерти искать. — Он потёр шрам на шее. — А я вашей смерти не ищу. Так что — ухо остро всем, особенно младшим. Уразумели? Ну тогда — вперёд!

Первыми частокол преодолели нурманы. Практически беззвучно. Но к сожалению, без звуков не обошлось. Во дворе лесного укывища всё же обитало несколько псин. Мелких шавок... с громкими голосами.

Звонкое тьяканье, ржание лошадей в конюшне...

Илья, влетевший во главе десятка гридней в открытые нурманами ворота, выругался сквозь зубы. Ну что стоило захватить с собой пару кусков мяса и бросить их через ограду?

Двери в приземистый длинный дом распахнулись... и оттуда вылетел факел. Копна сена у коновязи вспыхнула...

— Стеной! — в два голоса взревели Малига и Илья.

Вовремя. Из дверей и окон дома полетели стрелы, вмиг утыкавшие щиты.

Но стрельба почти сразу закончилась, потому что нурманы добежали до дверей и, не обращая внимания на стрельбу, сбившись парами, ворвались внутрь.

— За мной! — гаркнул Илья и, перекинув на спину щит, помчался через двор, огибая дом.

Случайная стрела чиркнула по броне. Илья перемахнул через поленницу, миновал угол дома...

И принял на клинок спрыгнувшего сверху разбойника в исподнем. От неожиданности — сразу на смерть.

Ещё один, мелкий, всклокоченный, попытался протиснуться в окно... Илья ударил его рукоятью по

голове. В доме страшно, заглушая вопли избиваемых татей, ревели нурманы.

За спиной слышался топот бегущих-gridней. Илья обогнул второй угол. Два окна... Но из них никто не лез. И с крыши тоже никто не прыгал и наружу со двора не лез.

«Попались, птички!» — с удовлетворением подумал Илья.

Снаружи заалело. Отроки, как и задумано, подожгли траву и тростник.

Илья остановился. Всё шло правильно. Его вои окружили дом, внутри которого резвились нурманы. Помощь им не требовалась. Опасаться следовало лишь того, что нурманы в пылу боя забудут приказ Ильи: «Брать живём».

— Викула, Рознег — со мной. Малига, забирай всех, окружайте дом!

Всё шло как задумано. Но Илья помнил слова отца: в бою побеждает не тот, кто хорошо планирует, хотя и это очень важно, а тот, кто владеет текущей ситуацией. Непрерывно. Даже если всё идёт по плану. Особенно если всё идёт по плану, потому что именно тогда кажется, что никаких случайностей уже не будет.

Вот почему Илья остановился. И постарался думать не о том, правильно ли выполняется задуманное, а о том, чтобы немедленно отреагировать на любое событие, запланировано оно или нет. Моровские вои делали своё дело. Илья им для этого не нужен. И потому он замер в готовности к тому, что может случиться. Ко всему, что может случиться.

С одной стороны — задняя сторона разбойничьего дома, с другой — частокол, окружающий подворье.

Не слишком высокий, но умело выстроенный между очищенными от ветвей стволами деревьев. Препграда скорее для зверей, чем для людей, хотя и человеку через такую перебраться непросто. Особенно бронному и оружному.

Илья сейчас не столько смотрел, сколько слушал. Звуки приносили больше знания, чем пляска света и теней, рождённых всполохами огня. Нет, Илья даже не слушал: он старался вчувствоваться, вникнуть в окружающий мир, впасть в состояние, близкое к той внешне расслабленной готовности, в которой опытный воин готов к любому удару. Ко всему, что может случиться.

И — случилось.

По ту сторону частокола вдруг заорали в несколько голосов. И — звуки боя.

Откуда там, снаружи, взялся враг, да ещё и пошедший врукопашную, Илья понятия не имел. Но действовал единственно возможным способом.

— Подсадите! — рявкнул он своим, тотчас взлетел вверх, вытолкнутый двумя парами рук, зацепился за верх ограда, подтянулся и через миг оказался по ту сторону частокола.

Он уже знал, куда ему нужно. Неправильное случилось на склоне одного из холмов. Там мелькание красноватых теней, звон железа, короткие выкрики. Туда Илья бросился стремглав...

Но всё равно не успел. Три отрока лежали на земле. Двоих свалили стрелами, третьего убили ударом в лицо. Четвёртый зажимал ладонью рану на бедре. Раненый глянул на Илью безумным взглядом.

— Они прям из земли вылезли, — пробормотал он слабым голосом. — Прям из земли, девки голые,

с луками, и эти — с мечами. Сразу бить... Мы не успели... Вон оттуда...

Илья лишь глянул на чёрную дыру в склоне и легко сообразил, что к чему.

Даже зверьё лесное, когда нору роет, о запасном выходе заботится. Вот и эти. Нет бы раньше догадаться!

— Куда побежали? — выдохнул он.

— Туда! — Раненый махнул здоровой рукой. — Вверх по ручью...

Он не успел договорить, как Илья сорвался с места и бросился в темноту.

Бежать в темноте по руслу оказалось не так уж трудно. Труднее слушать лес. Сквозь собственное дыхание и плеск воды, взбиваемой сапогами. Хорошо, обувь не для скачки, а для пешего боя, не то совсем было бы неудобно.

Думалось: может, опять поторопился? Потратить чуток времени и расспросить раненого: узнать хотя бы, сколько было татей. Заодно подождать своих, не ломить вперёд в одиночку.

Нет, решил Илья. Нечего было ждать. Свои и так сообразят, куда бежать, а тут всё решают мгновения. Разбойники уже не раз показывали, что затеряться в лесу — для них пара пустяков. А сколько их... Сам же говорил: мёртвых считать удобнее.

Так, и один уже есть!

Илья сначала учуял кровь на воде, а потом и разглядел. Тело лежало прямо в ручье. Белело исподним. На спине. А поперёк горла — чёрная полоса. Даже трогать не обязательно, чтоб понять, отчего умер. Свои добили.

Илья прислушался.

Плеск впереди? Или показалось?

Если он услышал, то и его наверняка.

Кабы он, Илья, убежал сейчас от погони со товарищи, непременно оставил бы заслон. Пару стрелков. Как наскочит на них прыткий такой догоняльщик — так и схлопочет стрелу в упор.

Жаль, но прыть придётся поумерить. И, эх, не хочется бронь поганить, а надо!

Илья зачерпнул влажной, отдающей тиной и гнилью землицы и размазал грязюку по кольчуге. А потом — разводами по лицу. Хорошо: штаны тёмной синевы. В темноте не видать. Теперь углядеть Илью не так уж просто. Осталось позаботиться, чтоб и не услышали.

Двигаться по берегу ручья было труднее: топко. И ступать приходилось мягонько. Зато теперь Илья слышал лес намного лучше. И совсем отчётливо: то-ропливый удаляющийся плеск. Расстояние между ним и беглецами увеличивалось. И если они оставили кого-то настороже...

Вот он, болезный!

Илья возликовал, гордясь собственной предусмотрительностью. Замер, глядяваясь. Ну не дурак ли? Так и светит белой рубахой...

Или это Илья дурак? Рубаха-то на тёмном овражьем склоне заметна очень хорошо, а вот штанов что-то не видать...

«Нет, не дурак, умник, — подумал Илья, вспомнив, как сам отвлекал врагов рубахой. — Почти как я».

Один или двое?

Так, а что у нас с ветерком? Слабенький, но есть. Значит, выбираем вот эту, подветренную сторону.

Илья полез наверх, цепляясь за корни и кустарник. Тихо-тихо. Вряд ли враг засел далеко. Ему ж надо видеть, куда бить, если Илья на рубаху поведётся.

Плеск вдали уже почти не слышен. Оторвались, гады. Ничего, достанем.

Темень — как у мишки в берлоге зимней безлунной ночью. Но кроме глаз у человека есть уши. И нос.

Первым знак подал нос. Кровушкой потянуло. А затем — по#том человечьим. Мужским. Чуть позже Илья услышал, как разбойник дышит, и точно определил его местоположение: в трёх саженьях впереди и ниже по склону. Теперь надо понять: один ворог или нет?

Илья замер, всё внимание отдав слуху... Ближе пяти-шести сажень враг точно один. А если есть ещё кто-то — пусть сначала разглядит Илью в этом мраке.

Задержав дыхание, не идя, а *стекая* по земле, не давя, а *обнимая* ступнёй неровности и сухие сучья, в точности как учил когда-то мальчика Годуна старый Рёрах, Илья сделал четыре недлинных шага, потом ещё один, последний. Теперь он мог при желании похлопать разбойника по голому плечу... Но не похлопал. Накрыл ладонью слюнявый рот и ударил ножом сбоку. В почку. А когда тать оцепенел от боли, ещё раз — спереди, в сердце. Перехватил правой рукой лук, левой придержал тело, чтоб опустилось наземь бесшумно. Только после этого выдернул нож. И снова замер, прислушиваясь.

Значит, один?

Нет, не один.